

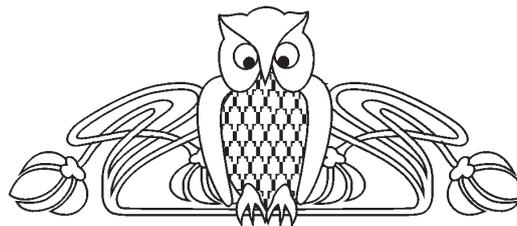
УДК 94 (470.44–25).084.3+343.9(470.44–25)(09)

ПРЕСТУПНОСТЬ В САРАТОВЕ В ГОДЫ НЭПА

А. А. Жукова

Саратовский государственный университет

E-mail: Perepolox09@mail.ru

В статье проанализирована преступность периода нэпа как социально-правовое явление, выявлены тенденции ее развития, количественные и качественные характеристики. Показано, что в первой половине 1920-х гг. преобладали насильственные действия в виде уголовного бандитизма и преступлений против личности.

Ключевые слова: преступность, динамика преступлений, тенденции, бандитизм, криминогенная ситуация, наказание, голод, милиция, город Саратов, новая экономическая политика.

Crime in Saratov during the New Economic Policy

A. A. Zhukova

Crime during the new economic policy as a social-legal phenomenon, tendencies of its development, quantitative and qualitative characteristics are analyzed in the article. It is shown that in the first half of the 1920s violent actions such as banditry and crime committed against the person dominated.

Key words: crime, dynamics of crime, trends, banditry, criminality, punishment, hunger, police, Saratov, new economic policy.

Социально-экономические потрясения в годы Гражданской войны, голод 1921–1922 гг., тяжёлые условия жизни, жилищная и материальная нужда – все эти факторы отражались на морально-психологическом состоянии советского общества. Кризис нравственности обусловил рост преступности.

В 1920-е гг. в городах сохранялась опасная криминогенная обстановка, обусловленная безработицей, низким уровнем благосостояния населения, нищенством, беспризорностью. К криминальным местам Саратова относилась ул. Цыганская, в силу чего там были усилены постоянные милицейские посты¹. Горожане отмечали, что давно «превратилась в кабак» ул. Малая Казачья². Возмущенные жители жаловались через местную газету, что прямо под окнами жилых домов «в кустах сидят пьянчужки, распивают водку и неистово ругаются», ночью же «ко всему этому присоединяются ещё и проститутки»³. «Саратовской Хитровкой» обыватели называли берег Волги около Бабушкиного взвоза, где в заброшенных домах проживали карманники, шулера и проститутки. На берегу большое распространение получили азартные игры, когда шулера обыгрывали в карты приезжих доверчивых крестьян⁴. Дегтярная площадь также относилась к небезопасным местам в городе. Шайка хулиганов промышляла там кражами. По Кооперативной улице около Глебушева оврага, хулиганы тоже «свили себе крепкое гнездо»⁵.

Охраной общественного порядка занималась милиция. От установки о создании «народной» милиции, слиянии её с армией и замене постоянной армии всеобщим вооружением народа советская власть отказалась постепенно в процессе реализации этой идеи⁶. В конце 1917 г. СНК опубликовал постановление «О рабочей милиции», предписывавшее её формирование на основе всеобщего вооружения народа⁷. Однако превращение милиции в общественную организацию негативно сказалось на борьбе с преступностью.

В Саратове весной 1918 г. все функции милиции перешли к отделу революционной охраны (негосударственной организации), но ввиду неэффективности данной меры отдел охраны был преобразован осенью того же года в рабоче-крестьянскую милицию⁸. Саратовский исполком в 1919 г. признал «желательным заменить мужчин-милиционеров женщинами на работах, кроме постовой»⁹. Однако на самом деле женщин на службу в милицию до 1926 г. не принимали¹⁰.

Функции милиции поначалу не были чётко определены. Кроме выполнения основных обязанностей по поддержанию внутреннего порядка и борьбе с преступностью, саратовская милиция в начале 1920-х гг. выполняла следующие задачи: руководство очисткой города и жилищ с целью предотвращения распространения epidemий, борьба с незаконной торговлей и нарушениями продавцами санитарных постановлений, участие в проведении топливного трёхнедельника, борьба с бандитизмом, помощь в сборе продналога. Важной функцией стала и борьба с самогонварением. Сотрудники милиции устраивали обыски и обходы с целью выявления очагов производства самогона¹¹.

Новая экономическая политика (нэп) несла в себе не только положительные тенденции в виде восстановления экономики, роста уровня жизни населения, но и значительный отрицательный потенциал. Открыто проявились такие черты нэпа как бандитизм, коррупция и хищения, проституция, азартные игры, существенно осложнявшие социально-правовую обстановку во всех регионах России¹².

Особо значительные размеры приобрёл уголовный бандитизм. В октябре 1922 г. ВЦИК РСФСР предоставил ГПУ чрезвычайные полномочия по борьбе с бандитизмом, включая право внесудебной расправы над участниками бандитских налетов и вооруженных ограблений¹³. Несмотря на принятые меры, преступность продол-

жала расти. 29 января 1924 г. Ф. Э. Дзержинский направил в Политбюро ЦК РКП (б) письмо, в котором отмечал, что не удалось ликвидировать политического и уголовного бандитизма. Кроме того, отмечались регулярные вооруженные ограбления и кражи зерновых у крестьян и кооперативов¹⁴. По предложению Ф. Э. Дзержинского в мае 1924 г. ОГПУ вновь предоставили чрезвычайные полномочия по борьбе с бандитизмом, включая право внесудебной расправы в отношении бандитов и их пособников. ОГПУ и его местным органам в оперативное подчинение перешли органы милиции и уголовного розыска, которым также предоставлялось право направления в любую территорию СССР уполномоченных лиц для предварительной разработки, подготовки кампании по борьбе с бандитизмом и специальные вооруженные отряды для ликвидации бандитизма¹⁵.

Новый взлет бандитизма наметился во второй половине 1925 г. Об этом свидетельствует динамика роста преступлений как на всей территории СССР, так и в Саратовской губернии. В первом квартале 1925 г. рост преступности в регионе составлял 11 %, во втором – 39 %, в третьем – 72 %, в четвертом – 40 %¹⁶. Аналогичная ситуация складывалась не только в Саратовской, но и в соседних Пензенской, Воронежской, Тамбовской губерниях. В августе 1925 г. на совещании по борьбе с преступностью в Саратове отмечалось, что вышеперечисленные регионы стали угрожающими для безопасности населения и хозяйствующих субъектов¹⁷.

Главным объективным фактором, способствовавшим эскалации преступности, являлась сложная экономическая ситуация, сложившаяся в 1921–1922 гг. Неурожай 1921 г. привел к массовому голоду. Это вынуждало многих заняться грабежами. Неслучайно в большинстве случаев объектом грабежей становилось продовольствие¹⁸. Положение в губернии усугублялось тем, что в 1924 г. 10 тыс. «антоновцев» из 15 тыс. высланных были амнистированы и вернулись в родные места, где зачастую не находили ни семьи, ни хозяйства, ни работы. Лишенные средств к существованию, озлобленные, они собирались в банды и занимались грабежами¹⁹. Уголовный элемент прибывал и из других губерний по причине голода и преследования местными правоохранительными органами. В губернии в значительных размерах оседали нелегальные перебежчики государственной границы, а также высланные по приговору суда из Ленинграда, Москвы, Смоленска и других городов. Не имея возможности получить работу при наличии массы собственных безработных, они также шли на преступления²⁰.

На протяжении 1921–1922 гг. «голодные» бунты потрясали всю Саратовскую губернию. Порожденный разрухой, неустроенностью, голодом, именно бандитизм в то время стал доминирующим видом преступлений. В Саратовской губернии не было ни одного уезда, который не имел бы своей

банды²¹. Так, в Балашовском уезде было разграблено 85 сел и деревень, разгромлено и разворовано 5 хорошо оборудованных совхозов, сожжены волостные исполкомы, отнято у населения более 2 тыс. лошадей, свыше 8 тыс. пудов семян²².

Только в 1921 г. сотрудниками милиции «было раскрыто 49 организаций бандитского характера. Для их ликвидации было задействовано 37 милицейских отрядов. Потери со стороны милиции составили 102 человека»²³.

Архивные документы хранят немало примеров отваги и самоотверженности, проявленных работниками милиции в борьбе с преступностью. В конце 1920 г. небольшой отряд милиционеров во главе с помощником начальника районной милиции Аткарского уезда В. И. Инякиным дал бой банде Вакулина, состоявшей из бывших уголовников и дезертиров и насчитывавшей более 1500 человек²⁴. Небольшому отряду милиции трудно было противостоять такому числу головорезов. Часть милиционеров погибла в бою, а те, кто попал в плен, были расстреляны у Краишевского монастыря.

«Саратовские известия» тех времён содержат немало информации о сложной и тяжелой атмосфере города: «С наступлением сумерек улицы в городе пустели, закрывались наглухо ставни и ворота. Обездоленные дети слонялись по базарам, в Крытом рынке, на берегу Волги, на вокзале»²⁵. Уголовники втягивали беспризорников в свою преступную деятельность. По-прежнему сказывался голод, охвативший значительную часть губернии, а также последствия войны: разруха и общая неразбериха. Вскоре оперативная обстановка накалилась до предела. За два года, с 1918 по 1920 г., преступность выросла в 2,5 раза, а с сентября 1919 г. по февраль 1920 г. в Саратове было зарегистрировано 125 убийств²⁶.

Несмотря на сложную криминальную обстановку, в марте 1919 г. сотрудникам милиции удалось раскрыть знаменитую банду Мишки Кота²⁷. В перестрелке с бандитами, забаррикадовавшись в доме, погиб оперативник А. В. Демин. В 1920 г. сотрудникам милиции удалось разгромить еще две банды: Кузьмина и Баловича²⁸. И вновь отличилась «старая гвардия» милиционеров, возглавляемая Н. М. Борноволокным.

В 1921 г. в пригородах Саратова орудовала банда Тугусова²⁹. Жертвами бандитов в большинстве случаев становились крестьяне, везущие продукты в город. Их обозы разоряли, а самих крестьян жестоко убивали. В розыске и разгроме банды непосредственное участие принимали начальник губернского управления милиции Д. Н. Гаврилов, руководитель губернского уголовного розыска И. А. Свитнев, инспектор А. Г. Перевезенцев. Всего удалось задержать 19 участников банды, одиннадцать из которых трибунал приговорил к расстрелу³⁰.

Однако в целом процент раскрываемости преступлений оставался низким. В частности, в

период с 1 января по 1 сентября 1922 г. в Саратовской губернии было зарегистрировано 17213 преступлений, а раскрыто лишь 8105, то есть 47 %. При этом лучше всего расследовались дела по подделке денежных знаков (25 раскрытых дел из 34) и правовых документов (25 из 38), незаконного получения продовольствия (43 из 52), убийства (133 из 198)³¹. Практически стопроцентную раскрываемость составляли дела о тайном винокурении и торговле спиртом. Хуже всего за это время расследовались кражи (простые, со взломом, карманные, железнодорожные) – 38,1 %³². В 1924 г. процент раскрываемости всех преступлений в Саратове составлял 44 %, в 1925 г. – 52 %³³.

На раскрываемость преступлений влияло и состояние милиции. Текучесть кадров, вызванная тяжелым материальным положением сотрудников, низкая квалификация, засоренность «порочными элементами» были типичными явлениями того времени. Только с 1 января по 10 октября 1924 г. в Саратовской губернии сменилось 18 начальников уездной милиции, 116 волостных милиционеров и их помощников³⁴. Материальное положение самих милиционеров было довольно тяжелым. Нужда часто заставляла их идти на преступления. В первой половине 1925 г. по сравнению с 1924 г. преступность среди сотрудников милиции выросла на 50%³⁵.

Низкий процент раскрываемости объяснялся также «малочисленным штатом сотрудников, плохим обеспечением их материального положения и весьма скудным отпуском кредитов на канцелярские, командировочные, мелко-хозяйственные, секретные расходы и расходы по передвижению»³⁶. Сотрудникам милиции часто несвоевременно выдавались зарплата и продовольствие, а слабое обеспечение обмундированием только ухудшало ситуацию. В докладе помощника начальника губернской милиции по политчасти за 1922 г. отмечалось: «Подходит осень, необмундированный, разутый, раздетый милиционер не будет иметь возможности работать»³⁷. Обмундирование зачастую выдавалось милиционерам не полностью, таким образом, сотрудникам ввиду маленького заработка приходилось самим «изыскивать средства на приобретение одежды и обуви побочным путём»³⁸. Тяжелое материальное положение толкало милиционеров на должностные преступления (взяточничество).

С целью улучшения материального положения сотрудников милиции создавались кассы взаимопомощи, в которые шли отчисления от продажи билетов на концерты и спектакли. Кроме того, существовала шефская помощь. Губернский коммунальный отдел был в качестве шефа прикреплен к городской милиции, и при его участии в августе 1922 г. были собраны средства от проведения концерта и платных гуляний в парке Липки³⁹. Губернский коммунальный отдел периодически освобождал милиционеров от оплаты коммунальных услуг⁴⁰.

Борьбу с преступностью осложняло не только тяжелое материальное положение сотрудников милиции, но и недостаток кадров. На совещании административных и политических работников Саратовской губернской милиции от 26 сентября 1922 г. отмечалось: «Надо сознаться, что поступить на службу в милицию, охотников мало: причиной этого дурное материальное обеспечение и опасность в борьбе с бандитами...»⁴¹

Таким образом, преступность в годы нэпа, как социально-правовое явление обладала отчетливо выраженными особенностями и определенными закономерностями, количественными и качественными характеристиками. В первой половине 1920-х гг. преобладали насильственные действия в виде уголовного бандитизма, преступления против личности (грабежи, кражи).

Очевиден и другой вывод: в течение 1920-х гг. так и не удалось справиться ни с одной из проблем, возникших или уже существовавших до революции преступных проблем: взяточничество, растраты и т. д. И только с окончательным сломом нэпа этот вид преступлений пошел на спад, поскольку существенно сузилась сфера экономической деятельности и, следовательно, исчезли условия возникновения экономической преступности. Вместе с тем, после 1917 г. заметно меняется характер преступлений.

Если в дореволюционный период преобладало число преступлений против личности и собственности частных лиц, максимальное число которых колебалось от 164 до 202⁴², то в 1920-х гг. наблюдался рост преступлений против порядка управления⁴³. В дореволюционный период данный вид преступлений занимал незначительные показатели в общей статистике преступлений. Так, если максимальный рост преступлений против порядка управления в дореволюционный период наблюдался в 1904 г. – 56, то в 1921 г. он достигает 202, что обусловлено идеологическими и политическими соображениями советского руководства⁴⁴. Большевикам не удалось реализовать и уголовно-правовую концепцию, проводимую после октября 1917 г., когда налицо было стремление «одним махом и за короткий срок» покончить с преступностью, опираясь на тезис «несвойственности» преступности для социального общества. Снижение наказания за преступления и стремление в большей степени использовать методы исправительно-трудового перевоспитания, ограничиваясь мерами строго наказания для рецидивистов и «врагов народа», не привели к ощутимым результатам.

Примечания

1 См.: ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 40. Л. 155об.

2 Поволжская правда. 1929. 2 июля. № 146. С. 4.

3 Там же. 12 июля. № 155. С. 4.

4 См.: Саратовские известия. 1923. 9 июня. № 127. С. 3.

- ⁵ Саратовский рабочий. 1933. 8 октября. № 231. С. 3.
- ⁶ См.: Чердаков О. И. Формирование правоохранительной системы Советского государства в 1917–1936 гг. (историко-правовое исследование). Саратов, 2001. С. 118.
- ⁷ См.: О рабочей милиции // Собрание узаконений РСФСР (далее – СУ РСФСР). 1917. № 1. Ст. 15.
- ⁸ См.: ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 47. Л. 27.
- ⁹ Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 244.
- ¹⁰ См.: Чердаков О. И. Указ. соч. С. 122.
- ¹¹ См.: ГАСО. Ф. Р-456. Оп. 1. Д. 619. Л. 7об. – 8; ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 1071. Л. 45.
- ¹² См.: Остроумов С. С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1960. С. 54.
- ¹³ СУ РСФСР. 1922. С. 844.
- ¹⁴ См.: Никулин В. В. Преступность как социально-правовое явление в 1920-е годы : тенденции и состояние. Тамбов, 2009. С. 45.
- ¹⁵ Феликс Эдмундович Дзержинский : биография. 2-е изд., доп. М., 1983. С. 18.
- ¹⁶ См.: ГАСО. Ф. 527. Оп. 1. Д. 34. Л. 4.
- ¹⁷ Там же. Л. 7.
- ¹⁸ См.: ГАНИСО. Ф. 769. Оп. 1. Д. 34.
- ¹⁹ См.: Дубасов М. Краткий обзор милиции и УРО г. Саратова (окончание) // Административная жизнь (Саратов). 1925. № 8. С. 9.
- ²⁰ Там же. С. 88.
- ²¹ См.: ГАСО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 67. Л. 33.
- ²² См.: ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 578. Л. 41.
- ²³ ГАСО. Ф. Р-456. Оп. 1. Д. 1122. Л. 28.
- ²⁴ Там же. Ф. 576. Оп. 2. Д. 45. Л. 77.
- ²⁵ Саратовские известия. 1920. 5 июля. № 76. С. 45.
- ²⁶ См.: ГАНИСО. Ф. 56. Оп. 2. Д. 34. Л. 67.
- ²⁷ См.: ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 132. Л. 18.
- ²⁸ Там же. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 47. Л. 27.
- ²⁹ Там же. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 1069. Л. 5.
- ³⁰ См.: ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 1069. Л. 7.
- ³¹ См.: ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 578. Л. 41.
- ³² Там же. Л. 45.
- ³³ Там же. Ф. 55. Оп. 1. Д. 268. Л. 78.
- ³⁴ Соловьева Т. А. Повседневная жизнь советского провинциального города в 1920–1930-е гг. Саратов, 2014. С. 204.
- ³⁵ См.: ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 2. Д. 2. Л. 244.
- ³⁶ Там же. Ф. Р-456. Оп. 1. Д. 886. Л. 280.
- ³⁷ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 1071. Л. 34 об.
- ³⁸ ГАСО. Ф. Р-456. Оп. 1. Д. 619. Л. 8.
- ³⁹ См.: ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 1071. Л. 34.
- ⁴⁰ Там же. Л. 45 об; ГАСО. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 1069. Л. 5.
- ⁴¹ Там же. Ф. 27. Оп. 2. Д. 1071. Л. 50.
- ⁴² См.: Статистические обзоры Саратовской губернии за 1891, 1901, 1911 гг.
- ⁴³ См.: Статистический справочник по Саратовской губернии. Саратов, 1920. С. 36.
- ⁴⁴ См.: Статистический справочник по Саратовской губернии. Саратов, 1921. С. 45.

УДК 317.354.34–06.87(471.44)

УЧАСТИЕ В «ШЕФСТВЕ НАД ДЕРЕВНЕЙ» СТУДЕНТОВ САРАТОВСКИХ ВУЗОВ В 1920-е гг.

Н. В. Стребкова

Саратовский государственный университет
E-mail: hope8917@gmail.com

В статье рассматривается вопрос работы, проводимой студентами саратовских вузов в подшефных им деревнях. Автор изучает основные направления данной работы. Он приходит к выводу, что в 1920-е гг. одной из важнейших задач шефства над деревней было не только повышение культурного уровня населения, но и сбор информации для партийных органов.

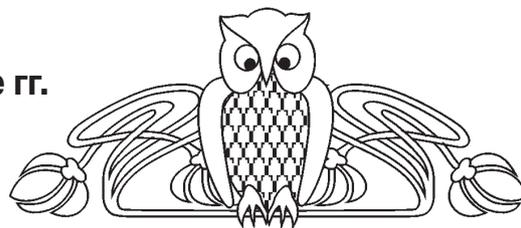
Ключевые слова: крестьяне, общества, студенты, подшефная деревня, шефство.

Participation of Saratov Students in the Village Patronage during the 1920s

N. V. Strebkova

The article is devoted to the problem of taking village under students' patronage. The guidelines of this work are considered. The author supposes that the main purpose of the village patronage in the 1920s was gathering information for the government.

Key words: associations, peasants, students, village patronage, patronage.

Шефство студентов вузов над деревней являлось частью программы шефства города над селом. Под этим понятием подразумевалась систематическая помощь, оказываемая городскими учреждениями, предприятиями, организациями, учреждениям, находившимся в сельской местности, сельскохозяйственным предприятиям и подшефным населенным пунктам¹.

Долгое время идея шефства была составной частью официальной доктрины о союзе рабочего класса и крестьянства. Идею об организации массовой и систематической добровольной помощи крестьянству изначально можно встретить у В. И. Ленина. В статье «Странички из дневника» он изложил свои мысли о формах, методах и содержании шефской работы. Ленин отмечал, что установление связи и «товарищества» между рабочими и крестьянством должно было стать